

18+

*Наталья Червяковская*

# Чистые мысли — ясная жизнь

Мысли вслух — цитаты в рифму

Наталья Червяковская

**Чистые мысли — ясная жизнь.  
Мысли вслух — цитаты в рифму**

«Издательские решения»

## **Червяковская Н.**

Чистые мысли — ясная жизнь. Мысли вслух — цитаты в рифму /  
Н. Червяковская — «Издательские решения»,

Цитатник «Чистые мысли — ясная жизнь». Лишь горсть разрозненных обрывков, пепла от сгоревших раздумий. Не приговор. Не наставление. Тихое понимание: ты сам в силах прозреть эту жизнь — своим языком, своей собственной цитатой. По нраву ли такой опыт? Вопрос, что повисает в воздухе, не находя однозначного ответа. Хотелось явить миру — явила. Но для меня в этом нет завершённого полотна. Да и существует ли оно вообще в этом мире? Пазл, что не собрать ни одному смертному. Приятного чтения, эстет.

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Цитаты: коротко, ясно, навсегда   | 6  |
| Цитаты о любви                    | 10 |
| Цитаты декаданс                   | 16 |
| Мысли вслух — доходчиво и в рифму | 21 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 27 |

# **Чистые мысли — ясная жизнь Мысли вслух — цитаты в рифму**

**Наталья Червяковская**

© Наталья Червяковская, 2026

ISBN 978-5-0070-8256-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Цитаты: коротко, ясно, навсегда

*Цитаты без рифмы — как мысли без эха*

Цитаты ссохлись на губах — чужие берега,  
А мне всё чудится волна за пеленой строки.  
И чей-то росчерк на стекле оставили снега,  
И ты стоишь у сквозняка, разрезав мир на две руки.

Я глажу воздух, узнаю изгиб твоих ключиц,  
Но комната полна зеркал — в них только пустота.  
И пахнет йодом тишина у выцветших границ,  
Где я живу, перечеркнув любые адреса.

Сквозь переплёт сочится мёд — расплавленный июнь,  
Пылают литеры твои не хуже, чем заря.  
Бессмертник горечь бережёт, касаясь скул и струн,  
И я пишу, а значит — лгу, что всё это не зря.

Маршрут лежит поверх могил растерянных надежд,  
Где птицы бьются о ладонь, не ведая границ.  
Я вырываю из груди несказанный рубеж  
И падаю на дно письма, не поднимая лиц.

Здесь каждая чернила капля — как немой глоток,  
Я заклинаю пустоту, но в ней — ни света, ни тепла.  
Бессмертник на столе засох, и высохший листок  
Уже не помнит, для кого я строчку берегла.

А за окном дымится вечер, и в твоём пальто  
Чужая тень крадёт последний отголосок дня.  
Но я пишу тебе, хотя не знаю, где и кто,  
И если эха больше нет — я выживу, храня  
Бессмертник под ребром, июнь и солнечный огонь пера.

Уважаемый читатель... А быть может, я просто беседую сама с собой, доверяя мысли набегающим волнам? Люблю ли я цитаты? И да, и нет. Ведь чаще всего они — лишь осколки, вырванные из живого полотна контекста, обломки смыслов. Их подбирают, как раковины на берегу, забывая, что море, выбросившее их на сушу, уже никогда не вдохнёт в них прежнюю солёную жизнь. Но иногда, в минуты тишины, одна-единственная фраза способна вспыхнуть в сознании ярче тысячи страниц — и тогда я прощаю ей всю её оторванность.

Вот, например, сейчас я сижу в кабинете, где за окном уже сгущаются сумерки. Летний вечер, двадцать восьмое июня — воздух тяжел и душен, будто налит теплом до краев, до самого горла. Вдалеке слышен гул города, но он приглушен, словно доносится из-под толщи воды — глухой, сонный, почти невесомый, как дыхание спящего великана. Я смотрю на чистый лист бумаги — вернее, на пустой экран ноутбука — и думаю о том, как странно устроена память. Она не хранит целых историй. Нет. Она хранит лишь ощущения: запах скошенной травы, режущий ноздри свежестью; привкус металла во рту, оставленный грозой; ледяной ток от случайного взгляда, пронзающий до позвонков, до самого нутра. Мы собираем себя из этих обрывков — как мозаику, выложенную дрожащими руками, — и удивляемся, что рисунок всегда выходит чуть неровным, чуть размытым, словно кто-то невидимый провел по нему влажной ладонью, стирая грани.

Я вспоминаю один разговор — давний, почти стёртый временем, как старая фотография, выцветшая на солнце. Мы сидели на кухне, пили кофе с лимоном — терпкий, горьковатый, как те слова, что ещё не были сказаны. И собеседник вдруг произнёс: «Ты слишком много думаешь о смысле. А что, если его нет? Что, если мы просто движемся по инерции, как камни, скатившиеся с горы, а все наши поиски — лишь попытка оправдать собственное бездействие?» Тогда я рассмеялась — легко, почти беззаботно. Но сейчас, спустя годы, понимаю: в той фразе было зерно горькой правды, проросшее в тишине. Мы боимся пустоты — этой зияющей чёрной дыры внутри, — поэтому заполняем её словами, действиями, планами. Мы ткём паутину из целей, чтобы не видеть бездну под ногами, чтобы не услышать, как она дышит нам в затылок.

Но есть в этом и нечто прекрасное. Ведь если смысла нет, мы вольны выдумать его сами. Мы — авторы собственных сюжетов, и каждая из нас пишет свой роман, где главная героиня — она сама. Порой это детектив, где мы, как сыщики, собираем улики собственной судьбы. Порой — авантурный роман, полный головокружительных поворотов. А бывает — унылая драма, где мы упиваемся жалостью к себе и прокручиваем одни и те же сцены, как заезженную плёнку.

Как же трудно переключить жанр! Особенно когда тело привыкло к пульсу определённого ритма — и шаги ложатся в ту же колею, и дыхание подчиняется старой партитуре. Я замечала: люди застревают в одном и том же состоянии, точно пластинка с царапиной. Игла бьётся о край скола, и они повторяют одни и те же ошибки — как заученную ноту, говорят одни и те же слова, даже влюбляются в одни и те же лица, будто не видя других. И только когда царапина становится слишком глубокой — до крови, до скрежета — они вздрагивают и дёргаются, пытаясь переставить иглу на другую дорожку. Но для этого нужно мужество. Нужно признать наконец: ты не жертва обстоятельств, заезженная пластинка ветра, а соавтор этой истории. Тот, кто держит руку. Тот, кто может выбрать — замолчать или зазвучать иначе.

Вчера я перечитывала свои старые дневники. Знаете, это странное чувство — увидеть себя прежнюю, наивную, ещё не остывшую от страстей, ещё дышащую каждой мелочью. Я смотрела на буквы, которые когда-то выводила от руки, и не узнавала почерка. Он показался мне чужим, словно на этих страницах исповедовалась совсем другая женщина — незнакомка, в которой, однако, билось моё же сердце. Но я помнила ту боль, ту радость, ту надежду, что стояли за каждым словом, словно зажжённые свечи в тёмной комнате. И вдруг поймала себя на мысли: а не потеряла ли я что-то важное по дороге? Не стала ли я слишком «взрослой» — слишком приземлённой, слишком осторожной, слишком тихой? Ведь когда мы вырастем, мы учимся не только ходить, но и прятаться. Мы обрастаем коркой цинизма, как броней, чтобы не раниться о чужие слова, чтобы не истекать доверчивостью. Но под этой коркой всё так же бьётся живое сердце — просто оно забыло, как биться громко, как биться в голос.

Я думаю, что искусство — это и есть попытка пробить эту корку. Хорошая музыка, фильм, книга — они действуют как тонкий скальпель, который вскрывает нашу защиту. В такие моменты мы снова становимся уязвимыми, но именно в этой уязвимости и кроется настоящая сила. Помню, как однажды я слушала старую симфонию и вдруг разрыдалась. Без причины, без повода. Просто струны заделали что-то внутри, что я сама не могла назвать. Это было страшно и сладко одновременно. Как будто я заглянула в себя и увидела там бесконечность.

Но вернёмся к цитатам. Они — тоже своего рода скальпели, только рассекают не плоть, а время. Одна строчка из чужого стихотворения способна перевернуть твой день, месяц, целую жизнь — будто кто-то невидимый щёлкнул выключателем, и мир заиграл другими красками. Помню, в юности наткнулась на фразу: «Жизнь — это то, что происходит с тобой, пока ты строишь планы». Банально, скажете? Возможно. Но в тот миг, когда я прочла её, я стояла на перроне вокзала, а поезд, который должен был умчать меня в другой город — к новой работе, к новой любви, — уже уползал, стуча колёсами по рельсам. Я опоздала на пять минут. И эта цитата стала моим утешением, тихим голосом в пустоте. Я подумала: «Может, это не случайность? Может, жизнь уберегла меня от чего-то большего?» И точно: через неделю я узнала, что та фирма рухнула, как картонный домик. А любовь... любовь оказалась фальшивой — как банкнота в три рубля, что не купит даже надежды. Так что иногда осколки текста спасают нас, даже если вырваны из контекста, будто последние звёзды, упавшие в ладонь.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: вся моя жизнь — это попытка собрать рассыпанный пазл, у которого нет картинки на коробке. Каждый день я вслепую подбираю осколки, примеряю их друг к другу дрожащими пальцами. Иногда они сходятся с пугающей точностью, иногда — рассыпаются вновь, оставляя острые края. И это нормально. Это и есть жизнь — без чётких границ, без готовых ответов, без спасительной подсказки. Только движение, только отчаянная попытка дышать полной грудью, даже когда страх сдавливает горло.

Я допиваю остывший кофе — горький, как вечер. За окном уже непроглядная темень, и фонари зажглись робко, словно прося прощения за то, что не могут разогнать всю тьму. Где-то на соседней улице лает собака, и этот звук вплетается в ночь таким родным, почти необходимым аккордом. Я закрываю ноутбук и замираю: кому я всё это пишу? Тебе, невидимый читатель? Или эху собственной души? Или просто в пустоту, чтобы не быть одной в этом огромном мире? Ответ молчит — и, наверное, в этом его мудрость. Главное, что слова живут, когда голос уже устал. Главное, что мы снова и снова ищем, спотыкаемся, падаем и поднимаемся — и каждый раз, когда пальцы касаются клавиш или пера, мы творим этот мир заново. Спасибо, что слушал. Что читал. Что был рядом, пусть даже молча. В этом и есть тот самый главный контекст, ради которого стоит дышать.

Почто же я цитаты не жалую? Единым днём попало мне слово — глубокое, мудрое, безо всякого поучения, словно светлый луч в осенней хмари. Автор — провидец, чуть ли не сродни доброму пастырю, иным оком на мир вззирающий, иным сердцем скорбящий. Восхитилась я им. И потянулась к книге, из коей то слово вырвано... а там — о чистильщике-маньяке повесть, кровавая и тёмная, как бездонный колодец. Обмерла я. Как сие случилось? За краткий миг ты человеком любовалась — а пред тобою уже изверг стоял, улыбаясь знакомой улыбкой. Любо ли мне цитаты? Нет, ой нет. Отныне в каждом прекрасном слове чую тень, что за ним крадётся.

Живу я эту жизнь — каждое мгновение, каждый день, до самого донышка, до последней капли света.



Не нужны мне чужие слова, но порой читаю их в бездне звёздной ночи, где тишина говорит громче молитв.

Ибо все мы — пыль на Млечном Пути, танцующая в вечности; все мы — дети Творца, в каждом из нас дрожит Его искра.

## Цитаты о любви

Любовь не ищут — она сама объявляется, как свет в осенней чаще. Приходит без стука, как ливень среди ясного неба, — и мир после неё уже не станет прежним, словно после первой грозы. Мы прокладываем тропы, считаем шаги, выбираем дороги по звёздам, но любовь выбирает сама — по воле Рода. Её приговор — без права на обжалование, словно суд Перуна. Она не спрашивает, готов ли ты, — подобно тому как Мать-Сыра Земля не спрашивает зерно, хочет ли оно взойти. Она просто есть — и всё остальное теряет вес, обращается в прах перед её ликом.

Любовь бесшумно входит в тихий дом,  
Без карт, без прав, без звонкого ключа,  
И прежний мир сгорает в нём огнём,  
Себя в тебе избрав из всех миров.

Истинная любовь безгласна, как вода в роднике под утренней звездой. Не вопит она на распутьях, не ищет лика своего в чужих очах. Она смиренна, словно свет Перунов, входящий в избу, где тени становятся ласковыми, а утварь — живою. Нет в ней гордыни — лишь прозрачная нагота, как пред ликом Матери Сырой Земли.

Любить — значит зреть не только обличье сего дня, но все грядущие его завтра, все падения его во тьму и всю милость, что ты сберегла в сердце своём, как Лада хранит род. Сие есть: ведать слабости его и не желать их врачевать, ибо без них он бы стал чужим, не тем, кого Боги тебе повстречали.

Молчание — как утренний порог,  
Где тени тают в золоте сиянья.  
Любовь не ищет зеркала у ног,  
А в слабостях находит оправданье.

Она войдёт неслышно, как рассвет,  
Коснётся рук, не требуя ответа.  
И сохранит на много зим и лет  
Того, кто есть, без грима и запрета.

Не лечит изъян, не торопит век,  
Не чертит круг гордыни мелом белым.  
Любить — хранить прощение навек  
За всё, что в нём осталось неумелым.

Мы путаем Любовь с цепью, с тяжким железом, что куётся страхом. Мнится нам: любить — значит держать при себе, уздой править, в клетки запирасть, дабы не улетела душа милая. Но то не Любовь — то неволя.

Истинная Любовь — как свет Перуновой молнии: слепит, очищает и не держит. Она — безоглядная вера, как материнская молитва в час разлуки. Это отпустить чадо своё в широкий

мир, зная, что ветры могут унести его вдаль, что стежки-дорожки его неведомы, — и всё равно шептать ему вслед: «Будь счастлив, родной».

Любовь — не тесный затвор, а чистое поле под ясным небом Сварожим. Не оковы тяжкие, а крылья соколиные. Не отнимает она вольной волюшки — она наполняет её смыслом, как солнце наполняет колос силой, как река дарует воду земле. Любовь — это не узы, а путь. Не клеть, а небо.

Любовь — не цепь, не контур на запястье,  
Не крик «вернись», не замкнутый порог.  
Она — ладонь, раскрытая на счастье,  
Где каждый вздох свободен и глубок.

Ты думал — удержать, прижать покрепче,  
Поставить круг и начертать запрет.  
Но где любовь — там только ветер шепчет,  
Там нет границ, там всюду райский свет.

Есть Любовь-Огонь — Сварожич лютый, жгучий до беспамятства, что дотла пожирает хоромы души. От неё и сердце займётся до помутнения, и дух перехватит — не продохнуть вовек. А есть Любовь-Вода — как сама Мать Сыра Земля, глубокая, тихая да ладная; в любой кувшин согласия перельётся. Ни ветра в ней, ни жара — напояет исподволь. В омуте той любви сгинешь безвременно, а станешь пить из неё с молитвой — не иссякнет родник во веки вечные. С годами-то, брате, разумеешь: вода-то дороже пламени. Ибо Огню не надобно труда класть — сам полыхает, а Вода просит терпения земного да поклона, молитвы неустанной.

В юности манит бушующий зной,  
Всполох, где страх обернулся мечтой.  
Только от жара останется пыль...  
Мудрость приходит, как утренний штиль.

Та, что течёт, не сжигая мостов,  
Дарит глоток среди знойных песков.  
В ней утопают, но чаще — плывут.  
Тихую воду навеки зовут.

Любовь не меряют золотом-серебром, не считают сотнями запечатлённых ликов. Она — в малом: в том, как ты уловишь усталость в очах родича, как безмолвно подносишь ковш студёной воды, как остаёшься рядом, когда уйти — легче лёгкого. Самая крепкая любовь от взора чужого схоронена, словно Велесовы тайны во тьме лесной. Она таится во взглядах, что задержаны на мгновение дольше, дабы сердце испить до дна; в руке, что сама тянется к руке, как корни дуба к матери-земле; в умении разделить молчание, не обронив пустого слова, не разбив той тишины, что святее золота и серебра.

В усталых взглядах тлеет тихо свет,  
Где чай горячий — мой немой ответ.  
Там, где уйти, казалось бы, верней,

Я остаюсь — и в тишине ясней.

Рука к руке, как к берегу вода,  
Во взглядах — жизнь, что прятали года.  
Молчание, где слово — только нить,  
Учусь я вместе с тишиною быть.

Но есть в любви и горечь — неотступная, как осенний дождь: никогда не приходит она одна. С нею всегда — страх потери, тот змей, что в сердце свил гнездо. Две стороны единой монеты: чем сильнее возлюбишь, тем больше трепещешь. Не за себя — за того, кто стал твоим дыханием, кто во плоти твоей — как солнце в облаке. И страх сей — не трусость, а высшая нежность, материнское лоно души. Он шепчет, как ветер в осоке: всё временно под луной, и каждое мгновение любви — дар родных богов, что с ладоней небесных падает звонкой росой. Не откладывай же на завтра — возьми, как Велес берёт землю в горсть, как Перун хватает молнию: сейчас или вовек.

Любовь не ходит по земле одна,  
С ней рядом страх — как тень у самых ног.  
Две грани у сердечного огня:  
Чем жарче свет, тем холодней клинок.

Боишься не своей минутной боли —  
Того, кто стал дыханием твоим.  
В том страхе нет трусливой, мелкой доли,  
Лишь нежность, обращённая к двоим.

А время шепчет о непостоянстве,  
Что каждый миг — подарок, а не долг.  
В одном живём теперь: любить без права  
Откладывать на завтра этот вдох.

Любовь не терпит кривды — не от гнева, а от пречистой своей сути. Кто возлюбил всем сердцем, уста того не смеют лгать, пусть бы правда жгла, как огонь Сварожий. Ибо истина в любви — то зелье целебное: сперва горчит, яко полынь, а после душу исцеляет. Кто же бежит от правды, тот не любит, но личину носит, яко скоморох на игрище. Искренность — единая речь любви, что слышат Родные Боги; всё иное — лишь кривотолки да помрачение.

Любовь не терпит лжи, как свет — теней,  
В своей нетронутой, слепящей чистоте.  
Когда ты любишь — нет на свете мук больней,  
Чем яд неправды, стынувший в плите.

Пусть режет правда, будто острый нож, —  
Она одна спасёт от казни скрытой.  
Бальзам горчит, но ложь он уничтожит,

Вернув душе союз, нерасторжимый, слитый.

Кто правды избегает, тот — актёр,  
Играющий на сцене без кулис.  
Ему неведом высь простор,  
Где чувства в откровенности слились.

Лишь искренность — безмолвный зов любви,  
Без искажений, чистый, как роса.  
Ты этим светлым звуком позови —  
И отзовётся вечности краса.

Многие ищут любовь, аки награду за труды, конечную светлую песнь в книге бытия. Но не награда она, не точка в строке судьбы, а многоточие, ведущее в неведомое. Не завершает она путь, но врата распахивает в мир иной. За порогом той любви — всё иное: солнце жарче, ветер острее, правда горше и честнее, чем мнилось прежде. Даже когда уходит она, оставляя по себе пепелище, — остаются шрамы живые, словно знаки Рода на теле твоём. И те шрамы — не поругание, а напоминание: ты жил, ты горел, ты был человеком. А покуда жив человек, покуда в груди сердце стучит — силу он имеет на чудо великое, на подвиг, что и Богам в радость.

Любви не нужно зала и венца,  
Она — распахнутая настежь рама.  
И после неё нет слова «конца» —  
Есть ты, обветренный, но без изъяна.

Мир стал прямым, как лезвие ножа,  
Без позолоты, фальши и обмана.  
И даже боль, что в памяти свежа, —  
Не кандалы, а нить живого плана.

Шрам на груди — он больше, чем печать.  
Он говорит: «Дышал. Любил. Случилось».  
А если ты способен отличать  
Жизнь от игры — то ты готов на милость.

И чудо тут не где-то в облаках —  
Оно в руках, распознанных во мраке,  
В обыденных, но честных мелочах,  
В простом шаге навстречу, а не в драке.

И самое великое: любовь не надобно искать, словно клад заветный. Она ждёт тебя, как Велес у порога, — остановись, возведи очи горé. Она уже здесь, в каждом вздохе ветра, в случайной встрече на пути, в незнакомце, которому ты улыбнулся, будто солнце ясное. Не прячется она, не таится во тьме — то мы, дети земные, смежаем вежды. Но едва раскроешь

их, прозреешь сердцем: любовь — та единая правда, что не лжёт, не обманет, как Мать Сыра Земля под ногами твоими.

Вдох — как любовь: в нём начало и суть,  
Встречный прохожий — пронзительный свет.  
Глаз не смыкай, не ищи вдалеке —  
Всё, что бессмертно, живёт в пустяке.

Что такое любовь? Для меня это тот, кто ушёл — и кого больше нет. Но не было ни минуты, чтобы я о нём не вспомнила: с такой щемящей нежностью, с такой бескрайней болью и благодарностью за то, что я узнала настоящее чувство — то самое, о котором кричат из каждого утюга.

Любовь — это тот, кто ушёл навсегда,  
Кого больше нет, но жива теплота.  
Ни часа не гаснет свеча у виска —  
Так память остра и печаль высока.  
И в каждом дыханье, как эхо в ночи,  
Звучат его тихие, нежные руки.

Благодарю за щемящую боль,  
За каждую, Господи, светлую роль,  
Что мы проиграли на сцене одной —  
Где зрителем стало небо со мной.  
Кричат в интернете про страсть и мечту...  
А я — о простом: ты был явью, той самой, во сне — наяву.  
Ты — тот настоящий, чью подпись ношу  
На сердце, как сон, что ещё допишу.

Нет края у нежности: в пропасть упав,  
Она превратилась в кружевной рукав,  
Которым коснуться могу до тебя —  
Любя, безответно и вечно скорбя.

И пусть не вернуть ни звонка, ни плеча,  
Но эта любовь — не огарок свечи,  
А целое солнце, чей свет по ночам  
Ведёт мою лодку к твоим берегам.  
И если спросить: «Отчего не уйти?» —  
Туда, где лишь ты, — нет конца и пути.

Познала я, что есть Любовь. И коли молвят мне, что нет её на свете — лишь жалость в сердце закипает. Не доля тебе выпала, брате, пройти мимо такового чуда. Таков огневик-фейерверк пролетел стороной, а ты и очес не возвёл горе. Ибо Любовь — то парение соколиное да всполох зарницы небесной.

Познала я, что есть любовь на свете.  
Не слушай тех, кто шепчет: «Это ложь».  
Они — как путники в глухой пустыне,  
Что не видали, как цветёт миндаль,  
Как дышит сад, проснувшись на рассвете.

А кто не ведал — тех мне только жаль:  
Им выпал путь сторонкой, мимо чуда,  
Глаз не подняв на огненную даль,  
Где фейерверк горит. Но я оттуда,  
Где всё всерьёз, где всё — любовь и рай.

Ты только мой, и я твоя отныне.  
Весь мир исчез — остались ты и я,  
И мы парим над суетой пустынной,  
Где нежность обжигает, как заря,  
Где каждый вздох — как первая молитва.

Я не гадала, встречу ли тебя,  
Не заклинала полночь ворожбою.  
Ты сам пришёл — и, всё перетерпя,  
Я поняла: душа живёт, любя,  
И только так становится собою.

Не обещай мне завтрашнего дня,  
Не застилай грядущее туманом.  
Ты здесь, ты рядом, ты глядишь в меня —  
И этого довольно для огня,  
Который стал единственным причалом.

Пусть говорят, что время — серый прах,  
Что всё сотрёт безжалостной рукою.  
Но я вкусила сладость на губах  
И не поверю в пепел и в размах  
Того, что называют пустотою.

В глазах твоих — глубокая вода,  
Прозрачная до самого истока.  
Я пью её — и не скажу «беда»,  
Я пью её — и знаю: навсегда  
Пришла любовь. Как тишина. Как строки.

## Цитаты декаданс

Мы устали быть сильными. Сила — это бремя тех, кто ещё верит в завтра. А мы, дети увядающих роз, знаем: завтра — всего лишь бледная копия сегодня, которую мы не хотим пересматривать. Наша доблесть — в умении красиво падать, не разбиваясь вдребезги, а лишь рассыпаясь на лепестки. Мы пьём не вино, а разбавленное временем воспоминание о том, что когда-то казалось счастьем. И в этом вся прелесть — быть слишком уставшим для великих свершений, но достаточно живым, чтобы заметить, как падает последний луч солнца на пыльный паркет.

В немой тишине, где гаснет свет,  
Где больше нет ни вопросов, ни ответов,  
Рисует пыль замедленный балет,  
Следы незримых силуэтов.

Как лепестки, мы падаем без стонов,  
Кружит нас время в танце невесомом.  
И в пыльном свете длится наш покой —  
Простой, последний и такой родной.

Бесплотный луч пронзает пустоту,  
И мы парим, не чувствуя потери.  
Встречаем на лету не высоту,  
А тишину, что глубже всех империй.

Не надо слов, не надо больше сил,  
Застывший миг прозрачен и спокоен.  
Нас тёплый ветер медленно носил  
И уронил. Никто и не расстроен.

Элегантность — это искусство исчезать, не хлопая дверью. Она в том, как ты поправляешь манжету, зная, что твой корабль давно ушёл, а ты остался на берегу навсегда. Ни криков, ни драм. Достаточно лёгкого кивка и запаха увядшей сирени, который ты оставишь в комнате. Декаданс — аристократия духа, лишённая наследства. Мы не боремся — мы доживаем с грацией тех, кто помнит балы, но уже не слышит музыки.

В этой комнате пыльной не слышно вальсов,  
Лишь тени танцуют вдоль старых часов.  
Аристократия духа уходит в песок —  
Ни упрёков, ни писем, ни строчки меж строк.

Порок — единственная добродетель, не требующая оправданий. Добродетель пахнет потом и скукой, она криклива и навязчива. А порок тих, он шепчет, как моль, точащая бархат, делая его ещё нежнее на ощупь. Мы выбираем порок не потому, что злы, а потому, что он



красивее. Хотите быть правым и скучным — или ошибаться в окружении кружев и полумрака?  
Я выбираю изысканную ошибку, что длится до утра.

За шёлковой шторой, где гаснет рассвет,  
Где правда хромает по лестнице лет,  
Добродетель не спит. Слышен запах её —  
Как соль на коже, как крик в забытьё.

А порок тихо ест кружевную постель,  
Превращая молчанье в безумный апрель,  
Где ошибка изящней, чем совести дрожь.  
Сладок привкус неправды, как бархат и ложь.

Правота жмётся в дверь, словно бедный зверёк,  
Как над тусклым огнём одинокий мотылёк.  
В полумраке — ни боли, ни горестных ран,  
Только шёлк, уходящий в молочный туман.

Мы не злы, мы устали от каменных плит,  
И краса лишь во тьме без стыда говорит.  
Право быть нежелезным — святое, как вздох.  
Лучше шёлком блуждать, чем решать на глазок.

Самая большая роскошь, что осталась нам, — это скука. Не та простая, что гложет рабочего, а глубокая, метафизическая скука, когда перебрал все удовольствия мира и они стали пресными. Время течёт как сироп — медленно, сладко, приторно. Ты смотришь в окно и видишь, как проходят эпохи, но не хочется вставать с кушетки. Скука — последний бунт против суеты, сознательный отказ быть частью балагана, где все куда-то бегут.

Не хочется встать  
Не хочется лечь  
Мне нечего дать  
Мне нечего сжечь  
Убавила звук  
Убрала имена  
Моя тишина глубже, чем суета

Мы слишком много знаем, чтобы верить, и слишком мало, чтобы сомневаться со вкусом. Наша вера — красивая бездна: мы стоим на краю и смотрим вниз, но не прыгаем. Там, в глубине, нет ответов, только эхо наших вопросов. Мы не ищем истину — мы ищем её отражения в бокале, в трещине на потолке, в улыбке прохожей. Истина — скучная геометрия, а ложь дарит нам крылья, даже если они восковые и тают на солнце.

Мы слишком много узнали из книг  
И слишком мало молчим по ночам.  
Я собираю осколки улики

И никому их уже не отдам.  
Мы не летим, а падаем вниз  
С видом, что это парение.  
В каждой неправде — скрытый каприз,  
В каждой надежде — старение.

Красота — это диагноз. Её не лечат, её культивируют. Она начинается там, где кончается здравый смысл. Посмотрите на увядшие цветы в хрустале: они куда интереснее свежих бутонов. В их поникших головках — поэма о быстротечности. Надо научиться видеть прелесть в разрушении, ибо только оно честно. Всё остальное — попытка обмануть время, а время — самый изысканный обманщик из всех.

Красота начинается там,  
Где кончается здравый смысл.  
В тихом треске хрустальных граней,  
В разрушении, что завис.  
Её не лечат,  
Её культивируют наизусть.  
Её не лечат,  
И в этом вся грусть.

Одиночество в толпе — самый изысканный коктейль. Ты один, но вокруг голоса, смех, музыка. Ты как в аквариуме: видишь чужую жизнь, но не можешь прикоснуться. Это придаёт всему налёт нереальности, театральности. Мы все актёры, забывшие текст, и теперь просто стоим на сцене, наслаждаясь светом софитов и запахом кулис. Занавес упал, но мы продолжаем играть — не знаем, что делать после финала.

Я стою у барной стойки, лёд звенит в бокале.  
Вокруг люди-призраки танцуют в полумраке.  
Смех чужих компаний разрезает воздух.  
Я внутри улыбки, но снаружи поздно.  
Кто-то заказал любовь на два глотка,  
А мой пульс считает время до гудка.

А я в аквариуме, стёкла в полный рост.  
Вижу каждый жест, но воздух слишком прост.  
Все актёры в зале, свет на пол-лица.  
И никто не знает слов, но нет конца.  
Нет конца, когда занавес упал.  
Мы стоим на сцене, кто нас здесь собрал?

Одиночество в толпе горчит на языке.  
Я киваю незнакомцам в такт чужой тоске.  
Кто-то мне кричит: «Держись, ещё не вечер»,  
Но слова как пули, если сердце лечат.  
Диджей ставит трек про наш последний шанс.  
Я танцую молча, это мой сеанс.

Будущее — предрассудок современности. Мы, декаденты, живём в вечном настоящем, растянутом до бесконечности. Настоящее — момент между вздохом и выдохом, когда ты ещё жив, но уже не хочешь дышать. Мы не строим планы — мы строим настроения. Мы не ждём завтра — мы дегустируем сегодня, смакуя каждую секунду, зная, что она последняя. И это знание делает мир невероятно хрупким, прозрачным и до слёз прекрасным.

Мы разбили все часы о мрамор наших снов.  
Настоящее — стекло, и в нём нет полюсов.  
Ни надежд, ни суеты, лишь прозрачный пульс в висках.  
Вечность хрупкая на вкус, как слеза в зрачках.

Прощание — высшая форма искусства. Редко кто умеет уходить красиво. Мы привыкли цепляться, плакать, требовать. Но истинный декаданс — умение исчезнуть в сумерках, оставив лишь лёгкий аромат духов и недопитую чашку чая. Ни объяснений, ни сцен. Просто поворот головы, улыбка и шаг в темноту. В этом больше страсти, чем в тысяче объятий. Ибо что может быть страстнее тайны, которую уносишь с собой, не раскрыв никому?

Наши пальцы — капканы, наша близость — капкан.  
Мы привыкли держаться за края чужих ран.  
Но я выучу медленно этот странный урок —  
Как уйти, не оставив дверных цепей и тревог.

Я оставляю на полке недочитанный том,  
Заварной чайник дышит позабытым теплом.  
Только шлейф от Шанели, только тень у плеча —  
Я умею прощаться, ничего не шепча.

Не ищи моих писем в осенней листве,  
Не лови моих жестов в редющей мгле.  
Я ушла сквозь улыбку, сквозь солнечный луч,  
Я почти превратилась в молчание туч.

Мы родились слишком поздно. Мы созданы для эпох, что уже прошли. Наши души — старые особняки с заколоченными окнами, где ещё слышны отголоски вальсов. Мы пытаемся жить в этом грубом мире, но он ранит нас острыми углами и ярким светом. Нам нужен полумрак, тишина и медленные движения. Мы — коллекционеры мгновений, музейные смотрители собственной жизни. И пока мир мчится вперёд, мы остаёмся здесь, в пыльных залах, перебирая драгоценные безделушки ушедших дней.

Опоздали на свой поезд, не на тот перрон,  
Наши души остались в веке свеч и колонн.  
Заколочены окна, но слышен рояль,  
В старом доме своём мы храним не печаль.

Мы живём в полумраке, где время как воск,

Острых углов избегая, храним свой покой.  
Коллекционеры тени и пыльных зеркал,  
В мире ярких витрин — мы музей тишины.

Тихий шаг по паркету, без спешки и встреч,  
Мы умеем мгновенья от мира беречь.  
Перебраны безделушки, разложен архив,  
Каждый день здесь как вечность, но всё же красив.

Острота? Ну разве не пикантно — быть обречённым на вкус, который никто не оценит?

Соль на рану, уксус в чай,  
Я — испорченный рецепт.  
Добавляю невзначай  
То, чего на свете нет.  
Говорят: «Умерь свой пыл»,  
Говорят: «Не досоли».  
Только кто им объяснил,  
В чём секрет моей земли?

## Мысли вслух — доходчиво и в рифму

Любовь — это когда тишина, повисшая между вами, не ранит, а укутывает, словно ласковые материнские руки, в объятиях которых мир утрачивает свою пугающую остроту.

Остывший чай — и кухня, зимний плен.  
Я не ищу ключей в чужой судьбе.  
У этой ночи вкус — сырая тьма,  
Пустой подсвечник на пустом столе.

Мы никуда не едем. Свет погас.  
Застыло время ломкою слюдой.  
И тени, будто чей-то тихий глас,  
Чертят свой круг над выцветшей водой.

Я не лечу — я падаю к вещам,  
К простым углам, где растворяю страх.  
Рассвет крадётся молча по рукам,  
Смывая ночь и привкус на губах.

На стенах блики тают без следа,  
И стрелки на часах утратят вес.  
Минуты не стекают в никуда —  
Они растут как мох в глухой навес.

Здесь тишина — как зыбкая вода,  
Сквозь пальцы утекает без труда.  
Простится всё, что копится года,  
Останется лишь этот дым и «да».

Остывший чай, оконное стекло,  
Дыханье — и пространство обожгло.  
Всё кончилось, но время не истекло.  
Всё кончилось — и стало мне тепло.

Счастье не ищут — оно само настигает тех, кто выбился из сил, кто остановился у обочины и, наконец, раскрыл ладони навстречу ветру.

Ты бежал за горизонт, считал шаги,  
Верил: счастье — это приз на берегу.  
Но часы текли сквозь пальцы, как пески,  
Ты спросил: когда же я его найду?  
А оно сидело тихо у тропы,

Там, где клён роняет листья на траву.  
Ты упал без сил, разжал свои мольбы,  
И вдохнул прохладу, просто, наяву.

Лучшие слова — те, что не изречены. Они остаются честными до гроба, ведь их не коснулось предательство голоса.

Когда срывается с пера строка,  
Ей дышится свободно и легко,  
Пока гортань, как клетка, далека,  
Пока дыхание не обожгло.  
Бумага — тихий и надёжный скит,  
Где слово плоть не обрело, не спит.

Озвученный, тускнеет нежный свет,  
Теряет многомерность глубина.  
В произнесённом «да» сомненья след,  
В озвученном «люблю» всегда вина,  
Что звук не смог вместить всей полноты,  
Лишь эхо первозданной немоты.

Мне внятен шёпот за закрытой дверцей,  
Движенье губ, что замерло в тиши.  
Несказанное не пронзает сердце  
Осколками израненной души.  
Невыплеснутый утром, гнев немой  
Не станет вечером беды стеной.

Признание, что застыло на ресницах,  
Надёжней фраз, истлевших в суете.  
Ложь прячется в ораторов-певицах,  
Чиста лишь мысль на внутренней черте.  
Молчание — не панцирь, не броня,  
А тайный сад, раскрывшийся внутри меня.

Порою нужно сбиться с пути, чтобы понять: твой истинный дом не отмечен ни на одной карте, а лишь в той немислимой глубине, куда ведет одно только сердце.

Все знаки молчат, горизонт опустел,  
Лишь дождь, словно пепел, на город осел.  
Но в этой бездонной, немислимой мгле  
Мне слышится пульс в онемевшей земле.

Где карты истлели и сломанный компас,  
Тепло проступило сквозь холод и страх —

Не вспышкой, не пламенем, что напоказ,  
А солью на ране, застывшей в слезах.

Я дома, хоть ноги стоят на ветру,  
Хоть в окнах чужих догорает закат.  
Звенят соловьями замки впопыхах  
И стены дышать по-родному спешат.

Не нужен мне адрес, не нужен маяк,  
Ни берег, сжимающий каменный шрам.  
Я сама себе пристань, я сама себе знак,  
Сквозь штормы ведущий к моим же словам.

Боль — это компас души. Она указывает, куда не должно ступать вновь, но не отнимает права однажды вернуться иначе.

Боль — не пепел, не призрак, не дым,  
Что скользит, улетаая без боя.  
Это компас, что стал золотым,  
Ошибаясь и плача со мною.  
Не стирает из памяти вход,  
Где споткнулся, где сердце ранимо,  
Где без карты, над пропастью лёд,  
Что трещал, но держал до любимых.

Всё, что жгло и ломало хребет,  
Обернулось огранкой маршрута.  
Рванный шрам — это личный билет  
В ту страну, где дождались уюта.  
И не громом — водой дождевой  
Смыло пыль с обожжённых отметин.  
Ты идёшь. Только берег живой.  
Только свет, что спокоен и светел.

Человек — не то, что говорит, а то, что творит, когда никто не видит. В тишине рождается его истинный лик.

Тишина, как белый лист,  
В комнате погашен свет.  
Кто ты, если ты один  
И свидетелей здесь нет?

Ты — не голос на краю,  
Не слова под светом дня.  
Ты — поступок, что в раю

Или в бездне у огня.

Сотни масок на лице,  
Сотни фраз для площадей.  
Но в безмолвном, тёмном дне  
Кто ты есть в душе своей?

Человек — не то, что вслух,  
Не речи его поток.  
Человек — это твой дух,  
Твой беззвучный монолог.

И когда не видят нас,  
В тишине, наедине,  
Вот тогда, в полночный час,  
Твой настоящий лик — вовне.

Помнишь жалость без причин?  
Помнишь руку не за страх?  
Когда ты совсем один,  
Без аплодисментов в залах.

Стыд, что жжёт из темноты,  
Благородство без наград.  
Это подлинные черты,  
Это твой алмаз и яд.

Книги не спасают мир. Но они выхватывают из тьмы одну душу — и этого довольно, чтобы Вселенная не рухнула в безумие.

И пусть за окном грохочет гроза,  
И мир, как в бреду, срывает резьбу.  
Я вижу лишь эти буквы в глазах,  
Вдыхая бумажную ворожбу.  
Здесь вымыслы лечат сильнее врачей,  
А истина колет острей ножа.  
Среди непрочитанных мелочей  
Учится усталая жизнь дышать.

Время не врачует. Оно учит жить со шрамами, не пряча их, — и в этом его горькая и тонкая мудрость.

Говорят, что время лечит, словно доктор в тишине  
Только старые порезы всё ещё горят во мне



Не срослись бесследно раны, не исчезли в пустоте  
Я ношу их, как награду, на невидимой черте

Время не врачует, оно учит жить  
Не снимает кожу, учит дорожить  
Этой горькой мудростью шрамов наизусть  
Не скрывая слабости, принимаю грусть

Каждый шаг — напоминанье, каждый вдох — немой урок  
Я не прячу очертанья тех, кто в сердце был жесток  
Не латаю и не крашу белых нитей на висках  
Пусть видны пути потерь моих в открытых зеркалах

Тонкая наука — оставаться целым  
Когда мир расколот на «сейчас» и «было»  
Но я улыбаюсь каждому рубцу  
Он ведёт, как компас, к новому лицу

Принимаю грусть  
Я с ней наизусть  
Шрамы — это свет  
Там, где прошлого уж нет

Целься выше. Даже если не долетишь, упадешь среди облаков — и это будет падением  
в белизну, а не в пропасть.

Боюсь шагнуть за край привычных стен,  
Где каждый вздох предсказан и измерен.  
Но тихий голос шепчет мне взамен:  
«Я в эту высоту однажды верила».

Мне говорили: «Береги себя,  
Не поднимай глаза на те вершины».  
Но я рискну, надежду теребя,  
И разорву все карты и причины.

Разбей стеклянный потолок сомнений —  
Там небо чистое, прозрачнее воды.  
Твоя попытка — крылья поколений,  
Там в высоте не остается и следа беды.

Воля — не делать что хочешь. Это не делать того, что презираешь, даже когда весь мир  
шепчет обратное.

В тиши, где воля, как алмаз, крепка,  
Где сила есть, но не гнетет рука,  
Не мир согнуть — себя расправить в рост,  
Воздвигнуть дух над сонмом зыбких звезд.

Бывает стержень — не давить других,  
А на краю, где бездна дышит в стих,  
Не брать чужого, лезть не замечать,  
В душе своей достоинство венчать.

Не мстить, когда обида жжет в груди,  
Идти без злобы, что там впереди.  
Презреть не брата, что стоит у круч,  
А эту слабость — в пропасть сделать ключ.

Вот власть над бездной — не разить, не лечь,  
А тишину в паденье уберечь,  
Хранить себя, когда ревет гроза,  
Смотреть в провал с улыбкой, не в слезах.

Тишина — это самый оглушительный крик души, уставшей от повторений. Она не ждёт оправданий — лишь жаждет быть, наконец, услышанной.

Знакомый маршрут, и пустые циклы,  
Привычки ведут, собирая улики.  
Я больше не жду, что исправится кто-то,  
Мне нужен покой, а не эта работа.

Закрой эту дверь, перестань говорить,  
Усталость умеет себя укрепить  
Не в бегстве, не в споре, а в редком «побудь»,  
Где можно без масок хоть раз продохнуть.

Оглохни от шума и стань в тишине,  
На этой целине слышно вдвойне.  
Как корни пьют воду, как падает пух,  
Как сердце легко замедляет свой стук.

Не оправданье, а способ пройти

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.